

Ю.В. Лулева

Чей Константинополь?
*Споры о судьбе Османской империи
 в российских изданиях в эпоху
 Первой мировой войны*

Преодолеть июльский кризис 1914 г. мирным путем Европе так и не удалось. 1 августа началась Первая мировая война.

Россия вступила в Великую войну недостаточно подготовленной как в военном, так и в общественно-политическом отношении. Правительственная газета «Новое время» накануне войны высказалась по проблеме черноморских проливов: «России не нужен Константинополь, она желает свободный проход через Проливы для своих военных кораблей»¹.

Российская пресса была взволнована закрытием проливов для торгового судоходства. В статье «Иго над Черным морем», появившейся в «Новом времени» 10 октября 1914 г., отмечалось, что Турция запирает проливы и останавливает торговлю Юга России в третий раз². «Барьерный сторож у Босфора стал строгим владыкой всей европейской торговли. Германия теперь диктует всей Европе свою волю, а Турция выполняет ее приказы»³. «Черное море должно быть русским морем и выходы из него должны принадлежать Российской империи, а не прусскому рейтару, – подчеркивало “Новое время” – Здесь русские интересы сходятся с европейскими и вопреки прежнему опыту встретят не противодействие, а помощь Европы. Нужно небольшое усилие воли, чтобы встать на уровне созданных историей обстоятельств и использовать их во благо России»⁴.

31 октября 1914 г. без консультаций с союзниками Россия разорвала дипломатические отношения с Турцией и 2 ноября объявила ей войну. В манифесте Николая II говорилось, что «безрассудное вмешательство Турции в военные действия только усилит роковой для нее ход событий и откроет России путь к разрешению

завещанных ей предками исторических задач на берегах Черного моря»⁵. Константинополь был в манифесте переименован в Царьград.

Благоприятное разрешение вопроса о Константинополе и проливах, обсуждавшееся ранее дипломатами и правоведами, вышло из области кабинетной политики и стало достоянием общественного мнения. Российские газеты подчеркивали столь счастливое стечение обстоятельств: «В эти последние дни судьба предсказала нам завершить идеалы предков: освобождение славян от германского ига и собственное освобождение от германского засилья и изгнание турок из Европы и увенчание Святой Софии крестом»⁶.

Британский посол в Петербурге Дж. Бьюкенен констатировал: Россия обрела цель в войне. «Русскому обществу стала очевидна необходимость получения свободного доступа к морю, и его взоры обратились на Константинополь как самый большой трофей войны»⁷.

В своих воспоминаниях Сазонов приводил один немаловажный факт, объясняющий значение Константинополя и проливов. «В 1914 г. русский народ не утратил еще своего национального самосознания и это сознание неотразимо ощущалось в области внешней политики»⁸.

Для мобилизации общественного сознания русского народа требовалась национальная идея. В истории народа, как и в жизни человека, есть заветная цель, к которой он стремится всю жизнь. В истории Российской империи XIX – начала XX в. одной из таких заветных целей были Константинополь и черноморские проливы. Каждый раз, когда на Востоке, особенно в Османской империи, возникали серьезные беспорядки, в России начинали думать, что, быть может, настало время крестового похода для возвращения православного священного города на берегах Босфора и для освобождения своих братьев по вере, стонущих в турецкой неволе. Элемент религиозно-мистического восприятия мира русским народом выступил той притягательной силой, которая влекла Россию к Константинополю. «...Основное свойство русского народа есть его религиозность и связанное с ней искание абсолютного добра, Царства Божия, и смысла жизни»⁹, – пояснял Н.О. Лосский.

Вторым по значимости после религиозного мотива был этнологический, или национальный, вопрос. С начала XIX в. в Европе начинает разрабатываться политическая теория об образовании больших конфедераций народов, основанных на этническом родстве. Согласно этой теории существующие в Европе политические единицы могут быть объединены в три группы: романскую, германскую и славянскую, причем принцип политической федерации, удовлетворяя требованиям этнологии, должен был предоставить отдельным народам достаточную долю местной автономии.

В обычное, мирное время славянские симпатии среди русского народа были мало заметны, но они существовали в качестве внутренней силы и при исключительных обстоятельствах и в кризисных ситуациях всегда прорывались наружу. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Балканских войн 1912–1913 гг. мысль об избавлении от страданий вызвала восторг в сердцах славян, когда «мужественное и многострадальное славянское племя восстанет и освободится от “бессовестной тирании” немца, венгра и турка».

С началом Первой мировой войны укрепились мечты о светлом будущем и представления о всеславянском государстве, столицей которого должен был стать Константинополь. Целый мир глубоко укоренившихся чувств и фантастических стремлений, которые не вызывают сочувствия в уме западного европейца, нашел живую поддержку у русского народа, единственного из славянских народов осуществившего эти стремления и имеющего мистически религиозный склад ума. В случае возникновения всеславянской конфедерации, управление ею естественным образом выпало бы на долю России.

Третьим мотивом, который направлял общественное сознание России в сторону Босфора, являлся политический аспект. Стремление России занять черноморские проливы или, по крайней мере, создать режим, который бы гарантировал их открытость и безопасность черноморского побережья, являлось преобладающим фактором русской внешней политики с тех пор, как Российская империя впервые утвердилась в этом регионе. Государство, владевшее проливами, оказывало влияние на обстановку на Чер-

ном море, подчиняло экономическую жизнь Юга России. «Господство над Босфором и Дарданеллами не только открывает двери на влияние в бассейне Черного и Средиземного морей, но и является источником преобладания над Балканским миром и передней Азией, в судьбе которых Россия заинтересована»¹⁰.

Споры о будущем Константинополя велись внутри российского правительства. Военное министерство разрабатывало планы занятия проливов и Константинополя, дипломатическое – договаривалось с союзниками. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов в вопросе о проливах был заодно с российским общественным мнением, но отмечал, что «нас разделял роковой вопрос о Константинополе, который русский народ называл Царьградом и окружил его в своем воображении особым ореолом»¹¹. Он считал, что религиозная сторона вопроса о Царьграде сильно затрудняла благоприятное для России разрешение вопроса о проливах, и предлагал придать будущему устройству Константинополя международный характер.

По мнению Сазонова, после занятия Константинополя России пришлось бы «превратить бывшую Византию в русский город, который бы поневоле занял третье место в иерархии русских городов, а сделать из него новую южную столицу России было бы нежелательно, а может быть и опасно»¹².

Между тем секретные переговоры о проливах России со странами Антанты попали в российские газеты. 27 (14) ноября «Биржевые ведомости» сообщали, что между Великобританией, Францией и Россией подписано соглашение, определяющее будущее проливов и признающее за Россией суверенные права над ними и возможность обладания Константинополем и обоими берегами Босфора по окончании войны без того, чтобы вопрос был поставлен на обсуждение европейской конференцией. Сазонов опроверг «газетные слухи». Однако российские газеты, обсуждая наследство больного человека на Босфоре, категорически заявляли, что Царьград должен стать русским владением.

Накануне Дарданелльской операции, планировавшейся на февраль 1915 г., основное внимание российского общества было приковано к Османской империи. 9 февраля (27 января) на засе-

дании Государственной думы Ковалевский (от Воронежской губернии) заявил, что война в первую очередь ускорит завершение векового спора России и Турции относительно Босфора и Дарданелл: «... к России должны быть присоединены Червонная Русь, русская Буковина и Угорская Русь». Левашев (Одесса) заявил, что все русские земли должны немедленно и навсегда слиться со своей матерью Россией¹³.

Отметим, что военные и морские эксперты придерживались иной точки зрения. Директор дипломатической канцелярии при Ставке Н.А. Кудашев был уверен, что даже если у Константинополя появятся флоты трех эскадр им не удастся завладеть городом. «При поражении Турции от союзников и заключении мира с Турцией России не удастся получить Константинополь и Проливы, и с этим фактом надо примириться и подготовить общественное мнение. Ни нравственных, ни военных сил на это у России нет», – заключал эксперт¹⁴.

Сазонов организовал в прессе и общественных кругах дискуссию о законных правах России в отношении Босфора и Дарданелл. «Вестник Европы» отмечал в январе 1915 г.: «Державы Тройственного соглашения не имели еще повод совместно обсудить и решить вопрос о дальнейшей судьбе Константинополя. Этот вопрос пока остается открытым, а то или иное решение его может выясниться лишь в зависимости от хода военных событий. В данное время действия союзного флота направлены только к форсированию Дарданелл и к занятию Босфора, и они могут иметь своим результатом только открытие свободного прохода через Проливы; вопрос же о судьбе Константинополя – вопрос чисто политический, и он не может обсуждаться без ближайшего участия той из держав, на которой лежит вся ответственность за тяжесть войны с Турцией и от военных успехов которой зависит судьба малоазиатских турецких владений и в том числе багдадской железной дороги»¹⁵.

Российские газеты считали, что предварительная оккупация Константинополя может определить дальнейшую судьбу проливов.

Позиция российского военного ведомства была более реалистичной. В секретной записке генерала от инфантерии Ю.Н. Данилова и полковника Генерального штаба И.И. Щолокова от 27 (14)

февраля указывалось, что исторический вопрос о проливах может быть решен только с применением вооруженной силы. «Ибо можно с уверенностью сказать, что нынешняя владелица Проливов без войны их не отдаст»¹⁶. «По окончании войны на Западном фронте можно начать войну в Проливах. В период текущей войны абсолютно не представляется возможным выделить достаточные силы для борьбы в Проливах»¹⁷.

Весной 1915 г. российское общество пристально следило за событиями на Черном море. Превосходство России над Турцией здесь стало подавляющим¹⁸.

Во время посещения Николаем II Одессы, Николаева и Севастополя с 14 по 18 апреля 1915 г. шла серьезная подготовка десанта на Босфор. Царский поезд прибыл в Одессу в 9 часов утра 14 апреля. В торжественной встрече императора участвовали городские власти, духовенство, делегации купечества и общественных организаций, тысячи местных жителей¹⁹. В Одесском кафедральном соборе архиепископ Херсонский Назарий вручил Николаю II медный крест, отлитый из пятаков и гривен, которые пожертвовали нижние чины в 1854 г., когда архиепископ Одесский Иннокентий (Борисов) благословлял шедшие на войну войска. Вручив этот дар Николаю II, владыка Назарий в своей речи высказал пожелание, чтобы крест был установлен в колыбели русского православия – в Царьграде.

Весной 1915 г. Россия максимально приблизилась к осуществлению своей мечты, но так и не решилась отправить десант на Босфор.

«Русские ведомости» в мае 1915 г. отмечали, что вопрос о Константинополе тесно связан с занятием проливов. Проблема осложнялась тем, что геополитический фактор (занятие проливов) переплетался с идеологическим. «Щит Олега на вратах Царьграда и Крест на Святой Софии соблазнительные картины для многих умов, для которых внешний романтический эффект кажется важнее практических последствий»²⁰. Автор статьи считал, что смешение идеологии с практической политикой – дело очень вредное как для идеологии, так и для политики. «Поэтому как бы ни были соблазнительны славянофильские чаяния о культуре переворота,

якобы неизбежного присоединения Константинополя, сами эти чаяния не должны оказать никакого влияния на наши решения. Практическая политика вещь чересчур серьезная, чтобы здесь руководствоваться другими соображениями, кроме пользы и нужд русского народа», – заключал публицист. 18 июля 1915 г. в «Биржевых ведомостях» была опубликована статья, в которой говорилось о разногласиях и спорах между союзниками по поводу средств достижения общей цели, о распределении плодов будущей победы, в частности о Константинополе и проливах. Утверждалось, что невозможно опровергнуть публикации немецкой печати о том, что Англия и Франция преследуют свои особые интересы в Дарданеллах и на Босфоре, и предоставить одной России справиться с нападением неприятельских армий²¹.

Между тем духовная жизнь России отмечалась необыкновенной сложностью и противоречивостью: от панславизма («За братьев славян!»), патриотизма («За Царя и Отечество!») до шовинизма, борьбы с чужебесием, в том числе с немецким засильем. Возрождались идея духовного слияния Великой России со Святой Русью, Третьего Рима, мистические религиозные начала.

«Вопросом о хлебе насущном, обо всем политическом могуществе, духовной миссии и культурной и о духовном России»²², считал Константинополь князь Е.Н. Трубецкой. Он подчеркивал, что только в качестве всеобщей освободительницы малых народов и заступницы за них Россия может завладеть Константинополем и проливами. «Этот акт мыслим как завершение всеобщего освободительного движения народов, только во имя этого в мире и освобождения народов Россия имеет право венчаться венцом Царьграда. Иначе народы не примирятся с ее владычеством в Константинополе и восстанут против него»²³.

С. Дурылин для пропаганды своих идей не стеснялся прибегать к исторической лжи. Он обосновывал свои взгляды, ссылаясь на сказание о Софии Царьградской, переведенное с греческого еще в IX в., однако известное историкам как рукопись XIV в. На каждой странице брошюры автор эмоционально призывал к немедленно занятию Константинополя: «Царьград – это наследие Константина, завещанное русскому Мономаху и идейно преданное короне

московской». «Царьград – это узел русского прошлого и ключ к русскому национальному будущему»²⁴.

Большинство доступных книг и брошюр для народа носили выраженный религиозный и просветительский характер. Печатная продукция, посвященная проблеме Константинополя и проливов, выпускалась во многих крупных городах России и была доступна по цене (5–10 коп.). В популярных сборниках широко использовались и цитировались исторические материалы Горяинова, Трубецкого, Нольде, Арктура, Кизеветтера²⁵.

Значительная часть публикаций была рассчитана на простого читателя. В очерке Б. Никонова «Турецкие картинки» в сказочной форме выражалась мысль о возвращении Святой Софии в Константинополь в лоно православия. «...Придет русский витязь и разбудит свою невесту. Какой бы ни было ценой, но это должно быть совершено. Ведь здесь колыбель русской веры, необходимо повернуть русскую историю к ее логическому концу и пробудить Святой Софию громом пушек и молитв».

Архиепископ Антоний проповедовал со страниц журнала «Пастырь и паства», призывая приложить все усилия для возрождения Византийской империи, а Константинополь должен стать его столицей²⁶. «Родина русского и всего славянского православия, окутанная вековыми воспоминаниями всего православного мира, старая Византия, древний Царьград по историческому праву должен достаться идейному наследнику византийских венценосцев. Христианским народам должно быть стыдно, что полумесяц еще сияет на Святой Софии. И если Бог судил, чтобы настал конец этому позору, то, конечно, только Великое православное царство имеет право взять под свое покровительство освобожденную христианскую альмаматер», – заканчивал свой очерк архиепископ Антоний²⁷.

Р. Стрельцов, автор сборника «Россия, Царьград и Проливы», вышедшего через четыре месяца после начала войны, отмечал отсутствие ясного представления у многих журналистов в вопросе о проливах и Константинополе. Он считал сильно переоцененным значение открытия проливов для развития российской промышленности. «Если наша южная промышленность

и наш южный экспорт и испытают в будущем большой расцвет, то это будет результатом действия самодовлеющих сил хозяйственной жизни юга, но отнюдь не последствием приобретения Проливов»²⁸.

По мнению Стрельцова, вопрос о проливах имел большое военно-политическое значение, поэтому автор призывал в отдельности рассматривать оборонительные и завоевательные цели. Для защиты он считал достаточным занятие одного Босфора. «Вопрос о Дарданеллах должен рассматриваться в зависимости от выгод или невыгод их обладанием», – считал автор²⁹.

Профессор Киевского университета Богаевский на страницах своих брошюр (по материалам лекций) выступал ярким противником закрытия проливов: «У нашего южного экспортера никогда не бывает уверенности, что груз, им отправленный, будет своевременно доставлен по назначению. Во время войны Турции с любой державой неизбежно закрытие проливов, что отрицательно влияет на русскую торговлю. От этого порядка страдает, прежде всего, боевая сила Черноморский флот»³⁰. Он отмечал, что «давно Россия не была под таким счастливым созвездием относительно Восточного вопроса, как в настоящую войну...». Однако профессор предлагает отказаться от распространенной идеи оккупации проливов, считая, что «все должно решаться после окончания войны на конгрессе».

Утопические планы раздела османского наследства излагались г. Плетневым в журнале «Голос жизни»³¹. «В исходе войны Россия должна овладеть Анатолией и побережьем Черного моря, став твердой ногой на армянское плато, и взять свою долю в месопотамских областях. Кроме того, германская Александретта и Смирна должны стать опорными пунктами нашего экономического влияния в Средиземном море»³².

«Московские ведомости» в новогоднем поздравлении читателям в первом номере 1916 г. желали России завладеть проливами и чтобы «Царьград со Святой Софией и ее пределами перешел вместе со Святой Землей в руки России»³³. «Разумеется, это будет громадным всемирно-историческим значением (поворотом) для славянства и всех православных народов, во главе которых Россия в новой силе и славе»³⁴.

В начале 1916 г. не только российские газеты, но и авторы книг и брошюр выражали надежду на то, что к Светлому Христову Воскресению на Софии должен быть крест³⁵.

В мае 1916 г. в Лондоне, во время визита делегации Государственной думы и Государственного совета, британской стороной было впервые публично объявлено, что Англия признает наличие жизненных интересов России на берегах Босфора и не только, не препятствует их осуществлению, но готова этому содействовать. В статье «Политики о Войне», опубликованной в «Вестнике Европы» (1916. № 6), сообщалось, что «союзники России признали своевременным в виде настоящего положения дел на Балканском полуострове довести до сведения, что заключенное нами в 1915 г. соглашение с Англией и Францией, к которому потом присоединилась и Италия, окончательно установило право России на Проливы и Константинополь». При этом осознавалось, что задача не может быть решена без поддержки Англии и Франции, вне союзнической коалиции.

Либеральные представители российской интеллигенции считали, что прочный мир мог быть обеспечен только совместно державами Тройственного соглашения, во имя которого Европа ведет Великую войну. Г. Тельберг в издании «Россия и Проливы»³⁶, анализировал русскую политику в вопросе о Дарданеллах. Он отмечал, что за лаконичным сопоставлением «Россия и Проливы» скрывается одна из труднейших задач внешней политики, «целая программа духовной напряженной борьбы, дипломатической, военной, борьбы между великой славянской страной с неудержимыми стихийностями, раздвинувшей свои владения до берегов Черного моря и дряхлеющей империи Оттоманов»³⁷.

Автор призывал Великобританию сильнее ценить русско-английский союз и отмечал, что «еще не наступило время учитывать будущие выгоды войны и делить шкуру неубитого, но опасного и сердитого медведя»³⁸. В своей работе Тельберг наметил комбинацию разрешения вопроса о проливах. «Только в разоружении Проливов, полной нейтрализации их вод и побережья, кому бы они ни принадлежали, скрывается истинно правильный путь к такому обеспечению интересов для России»³⁹. Тельберг считал, что Рос-

сии необходимо получить вблизи Босфора какой-нибудь укрепленный пункт и опорную базу для военного флота, в месте постоянного надзора над тем, что происходит в проливах.

К 1917 г. внутренние проблемы страны – нарастание революционного процесса, хаос в государственном управлении – отодвинули на задний план проблему Константинополя и проливов. В феврале 1917 г. накануне революции министр иностранных дел Н.Н. Покровский пытался реанимировать подготовку Босфорской операции, но на нее не было ни сил, ни средств. В апреле 1917 г. национальная идея «о ключах от собственного дома» была окончательно похоронена.

Последними отголосками заветной мечты стали две брошюры под названием «Проливы». Царьград или Константинополь в заглавии не упоминались⁴⁰. Н. Рожков ставил вопрос: нужны ли нам проливы, и отвечал на него: проливы были нужны дворянству, переродившемуся в буржуазию, которая стремилась в Константинополь. А.М. Петряев в брошюре «Проливы» признавал первостепенную важность для России получения свободного прохода из Черного моря в Средиземное и обеспечения безопасности нашего Юга. Автор отрицал притязания России на Константинополь, которые совсем еще недавно звучали со страниц газет, журналов и обширной исторической литературы. «Поставив в заголовок нашей брошюры Проливы, мы имеем в виду доказать, что с точки зрения демократической России нельзя смешивать Царьград с Босфором и Дарданеллами и прилагать к ним одну и ту же мерку».

Автор размышлял о том, какое решение вопроса о проливах правильнее: нейтрализация, оставление в прежнем положении или переход во власть России или другой державы, военный надзор и пришел к выводу, что данный вопрос мог быть решен только после заключения мира.

* * *

За три года войны (1914–1917) значительно изменилось отношение российского общества к решению исторической задачи России в Константинополе и проливах. От патриотического восторга 1914–1915 гг., перспектив завоевания с помощью союзни-

ков «главного приза» войны в 1915–1916 гг., до полного отрицания внешней политики царского режима и империалистической войны в 1917 г.

Понимание чуждости войны народу и ее истинных виновников пришло не сразу, но было выстрадано ценой невероятных жертв. Несмотря на усилия официальной пропаганды в условиях «духовной эйфории» начала войны, не было единства ни в среде интеллигенции, ни в военной политической элите в оценках целей войны, роли России в Антанте, отношений с союзниками. В сознании российского общества с самого начала войны присутствовал мотив: союзники не понимают и не хотят понять Россию.

В российском обществе произошло разделение мнений по вопросу обладания проливами: духовенство и консервативно-монархическая пресса выступали за возрождение Византийской империи во главе с Константинополем. Консерваторы и славянофилы призывали к захвату проливов и Константинополя; либерально-демократические представители выступали за нейтрализацию проливов и международное устройство Константинополя.

В задачи национальной российской политики в вопросе проливов входило лишение Турции возможности контролировать регион и переход его под русский контроль, а также недопущение других государств осуществлять влияние на решение проблемы проливов и ее интернационализации.

В годы Первой мировой войны в российском обществе, быть может, впервые в истории страны, по крайней мере в начале XX в., появилась возможность политического диалога, который, к сожалению, не был услышан.

¹ Новое время. 1914. 14 (27) июля.

² В 1912 г. Турция закрывала проливы 2 раза: во время итало-турецкой войны и 1-й Балканской войны. Порта, закрывая выход из Черного моря во время прошлых войн, могла сослаться на суровую необходимость, турецкая столица находилась под угрозой вторжения в Мраморное море неприятельского флота.

- ³ Новое время. 1914. 10 (23 окт.).
- ⁴ Новое время. 1914. 19 окт. (1 нояб.). Германия на Босфоре.
- ⁵ Новое время. 1914. 20 окт. (2 нояб.).
- ⁶ Новое время. 1914. 22 окт. (4 нояб.).
- ⁷ *Бьюкенен Дж.* Моя миссия в России: Воспоминания английского дипломата. 1910–1918. М., 2006. С. 178.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Лосский Н.О.* О характере русского народа. М., 1991. С. 359.
- ¹⁰ *Стрельцов Р.* Россия, Царьград и Проливы. СПб., 1915. С. 82.
- ¹¹ *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1990, С. 300.
- ¹² Там же. С. 307.
- ¹³ Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия 3. Стенографический отчет. 1915. 27 янв.
- ¹⁴ Там же. 1915. № 246. 24 (11 февр.). С. 317.
- ¹⁵ Вестник Европы. 1915. Янв.
- ¹⁶ Записка с основными положениями для подготовки к выполнению десантной операции, имеющей целью овладение Проливами. 27 (14) февраля // Международные отношения эпохи империализма. Сер. 3. Т. 7. Ч. 1. М.; Л., 1931–1938. С. 345.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ «У нас 5 линейных кораблей с залпом в 28–12 дюймовых орудий, у германо-турок один Гебен с залпом в 10–11 дюймовых пушек» (*Керсновский А.А.* История русской армии. Т. 3: (1881–1915). М., 1994. С. 270).
- ¹⁹ *Керсновский А.А.* Указ. соч. С. 270.
- ²⁰ *Славинский М.А.* Война и национальный вопрос // Чего ждет Россия от войны. Пг., 1915. С. 118–126 (ред. ст. «Русских ведомостей»). 1915. 28 мая. № 116).
- ²¹ Биржевые ведомости. 1915. 18 (31) июля. № 8.
- ²² *Трубецкой Е.Н.* Национальный вопрос. Константинополь и Святая София. М., 1915.
- ²³ Там же. С. 25.
- ²⁴ *Дурьлин С.* Град Софии: Царьград и Святая София в русском народном религиозном сознании. М., 1915.
- ²⁵ *Горяинов С.* Босфор и Дарданеллы: Исследование вопроса о Проливах по дипломатической переписке, хранящейся в Государственном С.-Петербургском Главном архиве. СПб. 1907; *Нольде Б.Э.* Внешняя политика: Исторические очерки. Пг., 1915; *Богаевский П.* Босфор и Дарданеллы в их международном положении. Киев, 1915; *Глубовский В.* Проклятый вопрос России — Восточный вопрос. М., 1914; *Петряев А.М.* Проливы. М.; Пг., 1917; *Рожков Н.* Нужны ли нам Проливы? М., 1917;

- Стрельцов Р.* Россия, Царьград и Проливы: Материалы и извлечения. СПб., 1914; *Рудзинская М.Л.* Константинополь. М., 1915.
- ²⁶ *Антоний, архиеп.* Чей должен быть Константинополь. Харьков, 1915.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Стрельцов Р.* Россия, Царьград и Проливы. СПб., 1914.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ *Тельберг Г.* Россия и Проливы. Киев, 1915. С. 15.
- ³¹ Голос жизни. 1915. № 3.
- ³² Там же.
- ³³ Московские ведомости. 1916. 2 (15) янв.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ *Тагин Ф.* Балканский полуостров. Пг., 1916.
- ³⁶ *Тельберг Г.* Россия и Проливы. Томск, 1915.
- ³⁷ Там же. С. 32.
- ³⁸ Там же. С. 46.
- ³⁹ Там же. С. 57.
- ⁴⁰ *Рожков Н.* Проливы. Пг.: Грядущее, 1917; *Петряев А.М.* Проливы. Пг., 1917.